

**ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КАК ФАКТОР
РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

ФИЛЯС Александр Михайлович, аспирант кафедры истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, адрес: 302026, Россия, г. Орел, ул. Октябрьская, д. 12, e-mail: a.alexander19999@gmail.com

Аннотация. Цель настоящей работы состоит в исследовании влияния общественного мнения на формирование современных российско-польских отношений. В работе конкретизируется понятие феномена исторической политики в контексте внешнеполитической стратегии Польши на восточном направлении в условиях постбиполярного мира. Для достижения этой цели были использованы исторический, сравнительный и диалектический методы. В статье анализируются механизмы формирования общественного мнения в фокусе отношений между Россией и Польской Республикой. Обосновывается, что реваншистская позиция политической элиты Польши и ее нацеленность на деформацию национального сознания и исторической памяти привели не только к укреплению антироссийских настроений в польском обществе, но и к увеличению конфликтогенного потенциала в Восточно-Европейском регионе. В результате автор приходит к выводу, что в качестве ведущего фактора формирования общественного мнения постсоциалистической Польши по отношению к Российской Федерации определяется деятельность государственно-общественных организаций, которые выступают каналом реализации концепта исторической политики Варшавы в деле упрочения своего геополитического влияния на пространстве бывшего СССР.

Ключевые слова: общественное мнение, международные отношения, политика Польши, историческая политика, российско-польские отношения.

Цит.: Филяс А.М. Феномен исторической политики как фактор российско-польских отношений // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Том 18. – № 6. – С. 213–225.

© Филяс А.М., 2023 г.

**THE PHENOMENON OF HISTORICAL POLITICS AS A FACTOR OF
RUSSIAN-POLISH RELATIONS**

FILYAS A.M., Postgraduate Student of the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: a.alexander19999@gmail.com

Abstract. *The purpose of this work is to study the influence of public opinion on the formation of modern Russian-Polish relations. The work concretizes the concept of the phenomenon of "historical politics" in the context of Poland's foreign policy strategy in the eastern direction in the conditions of post-bipolar world. The article analyzes the mechanisms of formation of public opinion in the focus of relations between the Russian and Polish Republics. It is substantiated that the revanchist position of the Polish political elite in its focus on deforming national consciousness and historical memory led not only to the strengthening of anti-Russian sentiments in Polish society, but also to an increase in conflict potential in the East European region. As a result, the author comes to the conclusion that the leading factor in the formation of public opinion in post-socialist Poland in relation to the Russian Federation is the activity of state-public organizations, which act as a channel for the implementation of the concept of "historical policy" of Warsaw in strengthening its geopolitical influence in the space of the former USSR.*

Keywords: *public opinion, international relations, Polish politics, "historical politics", Russian-Polish relations.*

For citations: *Filyas, A.M. (2023) The phenomenon of historical politics as a factor of Russian-Polish relations //Central Russian Journal of Social Sciences. –Volume 18, Issue 6. – P.213–225.*

ВВЕДЕНИЕ

Современные российско-польские отношения продолжают оставаться одним из конфликтных секторов современной мировой политики. Несмотря на многочисленные попытки российской стороны придать коммуникации с Польской Республикой прагматичный, взаимовыгодный характер, политический класс западного соседа России в течение всего постсоветского периода периодически делал ставку на в той или иной мере реваншистские императивы в определении

своей внешнеполитической стратегии. На фоне ряда попыток конструктивного взаимодействия по линии политико-экономического сотрудничества между Москвой и Варшавой, в большей степени характерных для начала 2000-х гг., именно с польской стороны с определенной периодичностью отмечались действия контрпродуктивного характера [4, С. 47].

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы проанализировать влияние концепта «исторической политики» Республики Польши на российско-польские отношения. В работе использован ряд общенаучных и политологических методов, также исторический, сравнительный и диалектический.

Постановка проблемы

Проблема, которая была рассмотрена в настоящем научном исследовании, к сожалению, стала злободневной. На протяжении многих лет польскими пропагандистами и политиками картина прошлого укрепились в массовом политическом сознании нескольких поколений поляков и создала культурные коды, существование которых с учетом развития современных информационных технологий продлится долгие годы.

Обсуждение и результаты

Основа для равноправного партнерства была заложена в период демонтажа социалистической государственности, выражением чего эксперты называют подписание Договора о дружественном добрососедском сотрудничестве и дружбе 1993 г. и комплекса развивающих его положения документов [1, С. 56]. Постоянные реверансы российского руководства, включая высшую исполнительную власть, в адрес польских партнеров, характерные для 1990–2010-х гг., побудили ряд авторов прийти к выводу о том, что конфликтность отношений между странами отныне преодолена, основой для чего признавалась видимость деидеологизации этих отношений, устранения из них идейно-политического компонента.

Однако и в период относительной стабильности российско-польского сектора мировой политики со стороны официальной Варшавы отмечалась критика действий Российской Федерации по отстаиванию своих национальных интересов. Типичным примером следует назвать фактическую поддержку польскими элитами сепаратизма в Северо-Кавказском регионе во второй половине 1990-х гг. Проатлантический вектор Польской Республики стал вполне очевиден по

таким событиям, как вступление этой страны в НАТО, поддержка агрессии против Югославии, пришедшейся на 1999 г., и участие польского контингента в американо-британском вторжении в Ирак в 2003 г.

Несмотря на четкое следование новой Польской Республики в фарватере стратегического курса атлантических держав, отношения с Российской Федерацией до 2010-х гг. с ее стороны строились в целом на прагматичной основе, наряду с чем в области идеологического обеспечения внешней и внутренней политики польского государства отмечались тенденции, способные существенно усложнить перспективы конструктивного партнерства с Российской Федерацией. Прежде всего следует указать на формирование в интеллектуальной среде такого дискурса, как историческая политика [14, С. 65].

Как отмечает А. Н. Смирной, декларирование указанного идейно-политического конструкта связывается с обстановкой политической борьбы в Польской Республике в период 2004–2005 гг. Именно победа правоконсервативной партии «Право и справедливость» как на президентских, так и на парламентских выборах сыграла ведущую роль в продвижении концепции «исторической политики» из области общественно-политических дискуссий в сферу государственного управления и политической пропаганды [8, С. 78]. Инициаторы и вдохновители обращения к «исторической политике» указывали, что ее внедрение обусловлено необходимостью противостояния мировоззренческим вызовам эпохи глобализации. Риторика, исходящая со стороны лидеров правых популистов, основывалась на тезисах об актуальности таких задач, как сохранение национальной идентичности и исторической общности.

Пренебрежение указанными задачами ставилось в вину предшественникам партии «Право и справедливость», которые доминировали в системе власти польского государства в период 1990-х – начала 2000-х гг. – умеренным левым и либералам из окружения А. Квасьневского.

В научной литературе отмечается неопределенность относительно толкования понятия «историческая политика». Ряд авторов относит данное определение к области политического маркетинга. Существует и точка зрения, согласно которой в определении «исторической политики» могут допускаться такие приемы, как фальсификация и мифологизация. Таковые необходимы в качестве инструмента борьбы за власть как на субнациональном, так и на общенациональном уровне. Наиболее обоснованной представляется аргументация рос-

сийского ученого А. И. Миллера, который предлагает понимать под «исторической политикой» комплекс способов и приемов, позволяющих интерпретировать те или иные исторические события в качестве доминирующих актов политической действительности [6, С. 29]. Применительно к специфике использования рассматриваемой концепции в пропагандистских практиках польского «политического класса» весьма основательную точку зрения сформулировал А. Ю. Бубнов [2]. Согласно его подходу именно правоконсервативные установки определяют сущность «исторической политики», становясь стержнем конституирования национальной идентичности в условиях XXI столетия.

Подтверждение систематизированных выше тезисов прослеживается на основе обзора конкретной хронологии российско-польских отношений последних лет.

В первую очередь обращают на себя внимание постоянные спекуляции польской стороны на противоречивых событиях общей истории. Причем среди таковых в качестве пропагандистских стереотипов избираются только те произвольно трактуемые факты, которые могут иметь под собой русофобскую подоплеку. Наиболее значимы в данном контексте предвзятые интерпретации событий XX столетия, в первую очередь связанные со Второй мировой войной и периодом существования Польской Народной Республики. Среди событий, позволяющих внедрить в массовое политическое сознание антисоветские и русофобские установки, назовем такие темы, как проблема «Катынского дела», искаженная трактовка фактологии Варшавского восстания августа – октября 1944 г. и процесса ликвидации формирований подпольной Армии Крайовой во второй половине 1940-х гг. на польской и советской территориях.

На этом фоне не столь значимыми для информационно-психологических операций выглядят другие, более отдаленные в историческом контексте события, за которые правые популисты также возлагают вину на Россию: разделы Речи Посполитой XVIII столетия или же восстания в Царстве Польском в 1830 и в 1863 гг. Согласно авторской позиции именно обращение внимания на проблемные ситуации XX столетия позволяет польской стороне не только получить от их популяризации моральное удовлетворение, но и выдвигать претензии на вполне материальные выгоды в форме возмещения ущерба, якобы нанесенного польской государственности Советским Союзом.

В развитие чего последовательно игнорируются исторические факты российско-польского сотрудничества и комплементарных для Варшавы стратегических действий со стороны правящих кругов Российской империи и партийно-государственного руководства СССР. Например, в работах польских ученых, публикациях средств массовой информации и образовательных программах обходятся вниманием целые периоды, такие как привилегированное положение Царства Польского во время правления Александра I или же передача Польской Народной Республике восточных германских земель после разгрома гитлеризма.

Отметим, что устремления внешнеполитического курса современной Польши, подпитываемого постулатами «исторической политики», выходят за рамки исключительно отношений с Российской Федерацией. Культивирование рассматриваемого концепта в стратегическом плане ведет к дальнейшей дезинтеграции постсоветского пространства и обеспечению в этом ареале геополитических интересов атлантического сообщества, для исполнения чего в польском общественном мнении навязываются алармистские настроения относительно России как основной угрозы национальной безопасности Польши. В качестве обоснования продвигаемого тезиса обычной практикой стало искажение вполне объяснимых и рациональных требований российской стороны относительно недопустимости расширения НАТО на восток или всеобъемлющей поддержки Варшавой украинского милитаризма [10, С. 75].

Важным вопросом при анализе польско-российских отношений является наличие серьезных разногласий в двустороннем восприятии роли и важности партнера на международной арене. В этот период польскую и российскую стороны разделяла не только разная оценка прошлого и политико-социальная система, но и, прежде всего, противоположные представления о перспективах формирования единого пространства безопасности на Европейском континенте. Эти противоречия признаем ключевым критерием двусторонних политических отношений в 1991–2023 годах.

Существенно осложняла общий контекст коммуникаций Польской Республики и постсоветской России «восточная политика» Польши в постсоветский период. Под лозунгом защиты общечеловеческих ценностей и демократизации польские представители – как администраторы официального правительства, так и делегаты общественных объединений и патронируемых атлантистами неправительственных организаций организовывали протесты. Особую роль эмиссары Вар-

шавы сыграли в организации нескольких волн так называемых цветных революций в новых независимых государствах постсоветского региона. Та или иная степень влияния польских представителей отмечалась в ходе «оранжевой революции» 2004 г. и во время Евромайдана в Киеве в 2014 г., в попытках государственного переворота в Белоруссии в 2021 гг., а также в аналогичных событиях в Грузии и Армении.

Особую актуальность вопрос о влиянии «исторической политики» приобрел после событий Русской весны 2014 г. Характерно, что рваншизм польской стороны с указанного периода оказался обращен не только против российских интересов, но и против современной германской государственности. Практическим выражением этого стало выдвижение требований репараций от современной Германии и от постсоветской России [11, С. 66].

Характерно, что общий дискурс идеологической коммуникации с новыми независимыми государствами СНГ со стороны польского правительства был выдержан в весьма умеренном формате, не предполагавшем использования конфликтной тематики в восприятии общественного мнения ближайших соседей, бывших некогда провинциями Речи Посполитой. Исторический контекст отношений с такими республиками, как Белоруссия, Украина, Литва, представляется в целом весьма в сдержанных интонациях. Основной акцент в создании их образа в общественном мнении современной Польши делается на абсолютизации тех периодов, когда восточнославянские народы и народы Прибалтики пребывали под сенью польской короны и под ее эгидой выступали против России. Особенно популярным оставался и остается лозунг о мнимом «порабощении» стран Восточной Европы «российским империализмом» и «коммунистическим тоталитаризмом».

Несмотря на очевидные попытки сформировать неформальный политический восточноевропейский альянс с польским доминированием, реальное воплощение «исторической политики» постоянно обнаруживает и воспроизводит деструктивные аспекты событий прошлых эпох, что неизбежно дестабилизирует современные отношения между Варшавой и государствами, которых польский политикум видит в качестве своих геостратегических союзников. Типичен пример польско-украинских отношений, которые, несмотря на всестороннюю поддержку русофобской стратегии постмайданных властей со стороны польских элит, тем не менее постоянно отличаются кризисными и конфликтными ситуациями. Причем последние детерминированы не

только конкретными дефектами прикладного характера, такими как трудовая миграция или социальное иждивенчество украинских эмигрантов. Исторические проблемы, всячески муссируемые как польской стороной, так и официальным Киевом в периоды правления администраций П. Порошенко и В. Зеленского, неизменно воспроизводят межгосударственные разногласия и восстанавливают друг против друга украинский и польский народы [8, С. 62].

Следует отметить, что в контексте «исторической политики» предусматривается не только внедрение идеологических стереотипов и каналов их распространения, но и формирование организационных структур, предназначенных для практического исполнения транслируемых положений рассматриваемого концепта. Типичным примером последнего времени выступает одобрение нижней палатой Национальной Ассамблеи Польской Республики и президентом Л. Качиньским законопроекта о создании государственной комиссии по расследованию фактов российского влияния в стране [5]. Несмотря на очевидные нарушения конституционного порядка государства, указанная комиссия наделяется особыми полномочиями, включая право наказания чиновников и отстранения их от занимаемых должностей.

С другой стороны, само превращение модели «исторической политики» в ведущий идеологический императив польского «политического класса» также было бы невозможным без предварительной проработки ее приоритетов и кардинальных принципов на платформах экспертных центров и «фабрик мысли». Крупнейшим из них стал Национальный институт исторической памяти, основанный в качестве системообразующего центра идеологической обработки граждан еще в 1999 г.

Что касается итогов внедрения тезисов «исторической политики» в массовое политическое сознание польского социума, то длительное время отмечалось сочетание полярного отношения граждан страны к российскому народу и к официальным властям Российской Федерации. Если до начала специальной военной операции оценки российского народа носили в целом позитивный либо нейтральный характер, то правительственный курс Москвы поляки трактовали исключительно с негативных позиций [15, С. 89]. Образ России как враждебного государства и, более того, экзистенциальной угрозы был распространен среди значительной части польского социума и в предшествующие периоды, прежде всего в среде интеллигенции, лиц «свободных профессий» и приверженцев клерикальных взглядов.

Однако традиционный для просвещенной части бывшей Речи Посполитой идеологический и геополитический мессианизм в постбиполярный период обрел новое содержание. Вполне оправданное стремление сохранить свою культурную идентичность перед натиском глобализационных процессов и стратегиями унификации мировоззренческого пространства в рамках «единой Европы» на протяжении последних десятилетий было в значительной мере переориентировано на противодействие эфемерной «угрозе с Востока» [7, С. 299]. Как отмечает М. А. Булахтин, наряду с чем консервативные идеологи формируют в польском социуме позитивный образ своего исторического наследия, опирающийся на реальные или мнимые военные победы, достижения в развитии науки, культуры, духовно-религиозной жизни, процесса «европеизации» Восточной Европы, опорными платформами концепта «исторической политики» выступают мифы о роли II Речи Посполитой в качестве преграды «мирового большевизма» в начале 1920-х гг., а также о значении фактора польского сопротивления при деконструкции социалистического блока в конце XX столетия [3, С. 452].

С другой стороны, участие Польши в интеграционных процессах Европейского союза также сопровождалось попыткой альтернативного подхода к трансконтинентальному проекту Брюсселя, что определило еще один формат региональной конфронтации. Закономерным образом деформация мировоззренческих установок, характерная для «политического класса» страны, продолжает затруднять выработку реалистической линии во внешней политике. Увлеченность эфемерными положениями «исторической политики» и проецируемый указанным концептом геополитический реваншизм закономерно вступают в противоречие с имеющимся политическим, экономическим и военным потенциалом польского государства.

В развитие этого обобщим, что культурно-политическая идентификация как «последнего европейского форпоста» сорвала диалог с Россией и естественным образом оправдала ускоренный дрейф постсоциалистической Польши в сторону атлантических интеграционных проектов. Однако увлеченность великодержавными амбициями вызывает серьезные затруднения для польских элит политикума и на западном внешнеполитическом театре.

В массовом сознании польского общества под воздействием тезисов «исторической политики» распространилось мифологизированное представление о вине за крушение государственности середины XX века как следствии агрессии двух тоталитарных режимов. Этот

миф создает препятствия для критического осмысления как довоенной внешней политики, так и современных геостратегических замыслов. Например, до настоящего времени последствия утраты территорий и культурных центров Вильно/Вильнюса и Львова остаются актуальными для польской исторической памяти и национального менталитета. Однако критическое осмысление несостоятельности польского великодержавного дискурса и сопряженных с этим событий, проблем, глубокое понимание исторических и политических процессов в современной Польше остается периферийной задачей для интеллектуальных элит и экспертного сообщества, что исказило понимание объективных исторических процессов и препятствует достижению объективной оценки ретроспективы развития региона Восточной Европы и его последствий.

Следует вывод, что здоровый критицизм в отношении ключевых событий польской истории и внешней политики позволил бы «политическому классу» страны, чтобы получить рациональное представление о прошлом и избежать негативных последствий для национальной государственности в XXI столетии. В идеале такой подход позволит поставить вопрос о коррекции стратегических приоритетов, основанных на свободном от аффективных установок понимании исторических событий и их влияния на современный внешнеполитический дискурс Варшавы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, формирование национальной идентичности с использованием современных инструментов концепта «историческая политика» и ее ретрансляция в сферу международных отношений имеют далеко идущие последствия. Во-первых, общественные представления, которые многие годы находятся под прессингом ангажированных СМИ и образовательных программ и не способны сформировать представление об объективной реальности. Во-вторых, политические элиты страны, представляющие как правоконсервативный, так и либеральный спектры партийной системы, превратились в заложников иллюзорных и субъективно-идеалистических концептов. Завышенные самооценки своего места в многополярном мире в очередной раз детерминируют появление вызовов для польской государственности. Никак не мотивированная материальными обстоятельствами и прагматическими соображениями конфронтация современной Польской Республики одновременно с Российской Федерацией, Германией, Белоруссией сопровождается и возникновением напряженности с теми из соседних стран, кто в постсоветский период

рассматривался в качестве естественных союзников Варшавы в ее русофобских устремлениях. Показательным примером может быть названо резкое охлаждение отношений с киевским режимом осенью 2023 г., когда проблематика торгово-экономического характера наслонилась на давние идеологические противоречия между польскими и украинскими националистами.

Сформированная на протяжении десятилетий польскими пропагандистами и политиками картина прошлого укрепилась в массовом политическом сознании и нескольких поколений поляков и создала культурные коды, существование которых с учетом развития современных информационных технологий продлится долгие годы. Именно они будут определять образ традиционных партнеров Польши в Восточной Европе, двусторонние отношения, генерализовав внутреннюю и внешнюю политику Варшавы в XXI столетии. Вслед за поляризацией ментальных предпочтений естественным образом следует геополитическое противопоставление России и Польши, чье ангажированное общественное мнение и далее воспринимается как закономерное и естественное состояние национальной исторической судьбы.

Библиография / References:

1. Барынкин А. В., Новикова И. Н. История и политика в современных российско-польских отношениях // Перспективы. Электронный журнал. – 2022. – № 4 (31). – С. 47–60.
2. Бубнов А. Ю. Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере / Политические институты, процессы и технологии [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-politika-i-borba-interpretatsiy-kollektivnogo-proshlogo-v-publichnoy-sfere/view> (дата обращения: 02.09.2023).
3. Булахтин М. А. Политика исторической памяти в современной Польше // Вестник Удмуртского университета. – 2019. – Т. 3, вып. 4. – С. 449–458.
4. Ворожеина Я. А. Механизм осуществления внешней политики современной Польши: политико-правовой анализ // Балтийский регион. – 2017. – Т. 9. – № 1. – С. 44–59.
5. Ежедневная деловая газета РБК [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/05/2023/6474b75a9a794737e7d431b8> (дата обращения: 06.06.2023).

6. Миллер А. И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липман. – М., 2012. – С. 7–32.
7. Россия и Польша: опыт тысячелетнего соседства: материалы Международной научной конференции, г. Москва. – 2019 г. / под ред. С. В. Леонова, Г. В. Талиной. – Москва: МПГУ. – 2019. – 440 с.
8. Смирнов А. Н. Проблемы исторической памяти в российско-польских отношениях // Россия и новые государства Евразии. – 2021. – № 4 (53). – С. 61–74.
9. Траба Р. Польские споры об истории в XXI в. // Pro et Contra. – 2009. – № 3-4 (46).
10. Цыбаков Д. Л., Василенко И. К. Милитаризация постсоветской Украины как фактор современного международного кризиса // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2023. – Т. 13. – № 3. – С. 72–78.
11. Eberhardt, StosunkiPolski z Rosją, «RocznikPolskiejPolitykiZagranicznej» 2020, P. 136-137.
12. Adamski Ł. CzyPolskapowinnaotrzymać reparacjeodRosji? // Rzeczpospolita. – URL: rp.pl/Publicystyka/190919456-Czy-Polska-powinna-otrzymac-reparacje-od-Rosji.html (Dateofapplication: 29.05.2023).
13. Jaki o reparacjach: Rosjanietęzpowinniponosićodpowiedzialność // tvn24. 01.09.2017. – URL: tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju,3/jaki-o-reparacjach-rosja-tez-powinna-poniesc-odpowiedzialnosc,769190.html (Date of application: 29.05.2023).
14. Marciniak W., Polsko-rosyjskiwęzeł. Spor o rywali, «Arcana». – 2021. – P. 64-65. (Date of application: 01.06.2023).
15. Polska i Rosja. Strategicznesprzeczościimosliwoscdialogu, (red.) A. Magdziak–Miszewska, Warszawa. – 1998. – P. 154-157.
16. Zob. S. Kusmierski, Opiniapubliczna. Wprowadzeniedoteorii, Warszawa. – 2020. – P. 254-255.

1. Barynkin, A. V., Novikova, I. N. (2022) Istoriiia i politika v sovremennykh rossiisko-pol'skikh otnosheniiakh [History and politics in modern Russian-Polish relations]. //Perspektivy [Perspectives]. Elektronnyi zhurnal.– №4 (31). – P. 47–60. (In Russ.)

2. Bubnov, A. Iu. (2017) Istoricheskaiia politika i bor'ba interpretatsii kollektivnogo proshlogo v publichnoi sfere / Politicheskie instituty, protsessy i tekhnologii [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-politika-i-borba->

interpretatsiy-kollektivnogo-proshlogo-v-publichnoy-sfere/view (data obrashcheniia: 02.09.2023). (In Russ.)

3. Bulakhtin, M. A. (2019) Politika istoricheskoi pamiati v sovremennoi Pol'she [The politics of historical memory in modern Poland]. // Vestnik Udmurtskogo universiteta [Journal of Udmurt University].– Т. 3, vyp. 4. – P. 449–458. (In Russ.)

4. Vorozheina, Ia. A. (2017) Mekhanizm osushchestvleniia vneshnei politiki sovremennoi Pol'shi: politiko-pravovoi analiz [The mechanism for implementing the foreign policy of modern Poland: political and legal analysis]. // Baltiiskii region [Baltic region]. – Т.9. – №1. – P. 44–59. (In Russ.)

5. Ezhednevnaia delovaia gazeta RBK [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/05/2023/6474b75a9a794737e7d431b8> (data obrashcheniia: 06.06.2023). (In Russ.)

6. Miller, A. I. (2012) Istoricheskaiia politika v Vostochnoi Evrope nachala XXI veka [Historical politics in Eastern Europe at the beginning of the 21st century]. // Istoricheskaiia politika v XXI veke / pod red. A. Millera, M. Lipman. – М.,– P. 7–32. (In Russ.)

7. Rossiia i Pol'sha: opyt tysiacheletnego sosiedstva: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, g. Moskva. – 2019/ pod. red. S. V. Leonova, G. V. Talinoi. – Moskva: MPGU.– 440 s. (In Russ.)

8. Smirnov, A. N. (2021) Problemy istoricheskoi pamiati v rossiiskopol'skikh otnosheniakh [Problems of historical memory in Russian-Polish relations]// Rossiia i novye gosudarstva Evrazii [Russia and the new states of Eurasia].– № 4 (53). – S. 61–74. (In Russ.)

9. Traba, R. (2009) Pol'skie spory ob istorii v XXI v. [Polish debates about history in the 21st century]. // Pro et Contra. – 2009. –№ 3-4 (46). (In Russ.)

10. Tsybakov, D. L., Vasilenko, I. K. (2023) Militarizatsiia postsovetsoi Ukrainy kak faktor sovremennogo mezhdunarodnogo krizisa [Militarization of post-Soviet Ukraine as a factor in the modern international crisis]// Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta [Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University]. – Т. 13. – №3. – P. 72–78. (In Russ.)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 07.10.2023.

Поступила после рецензирования (Revised) 25.11.2023.

Выход в свет 28.12.2023.